

МИРАНДА ГРИН

НЕУКЛЮЖИЙ И
ПОЛТОРАШКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

ОСТОРОЖНО: СТУДЕНТЫ!

Миранда Грин

Осторожно: студенты!
Неуклюжий и полторашка

«Автор»

2023

Миранда Грин

Осторожно: студенты! Неуклюжий и полторашка / Миранда Грин — «Автор», 2023

Потомственный боевой маг в абсолютно гражданской академии? Лучше готовьтесь к худшему! И пусть вас не смущает рост этой воинственной крохи - Мира решит все ваши проблемы и создаст кучу новых. Разобраться с инквизиторами за гаражами? Легко! Только будь готов к постоянной опеке после этого. Объяснить теорию? Зря что ли училась! Ты чувствуешь себя одиноким? Думаю, мы найдем решение...

© Миранда Грин, 2023

© Автор, 2023

Содержание

Знакомство	5
Родители	8
Первый учебный	10
Ночь	16
Оправдания	20
И где?	25
Сплетни	27
Проверить	31
Крыша	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Миранда Грин

Осторожно: студенты!

Неуклюжий и полторашка

Знакомство

Мира с раздраженным шипением окутала кулак сырой магией, заживляя сбитые костяшки. Где-то за спиной полыхнуло облегчением и смесью стыдливого раздражения, вызывая у магички ехидную усмешку.

Вечер в новом районе начался банально, настолько, что знай она исход – предпочла бы поехать на другой конец города, а не ввязываться в защиту переоценившего себя слабосилка-стихийника. Когда среди гаражей плеснуло слишком отчетливо для осенней лужи, Грозная насторожилась, инстинкты боевика, переданные поколениями предков, заставили замереть и свернуть в темный проход. Кажущаяся скука обычного сентябрьского позднего вечера внезапно сошла на нет. Перед входом в тупик она постояла несколько секунд, раздумывая, а надо ли ей вообще ввязываться. Кажется, мальчишка-водник не слишком здраво оценивал свои силы и только раззадорил оппонентов. От неприветливых бритых парней едва ощутимо тянуло ладаном.

– Мне казалось, что Устав вам запрещает нападать на магов, не нарушающих законов? Что за злоупотребление служебным положением?

– Девочка, иди, тебя в казарме заждались, сделай вид, что ничего не видела.

– Не лезь, курсантка, – хмыкнул второй, заставляя Грозную подавить желание закатить глаза до белков, понаберут по объявлению...

– А у меня встречное предложение: вы благополучно отпускаете мальчишку со мной погулять, – про мальчишку она загнула, конечно, водник хоть и выглядел тощим, но навскидку был на полторы головы выше самой Миры, – а я не передаю вашему настоятелю, что вы творите по вечерам.

– Да кто тебе поверит?

Видят боги, Мира не хотела ввязываться в драку и тем более начинать ее первой. Но слишком уж распустился последний набор в культ. В службу контроля за магами, за глаза называемую Инквизицией, брали таких же магов, только самых слабых, способных откачивать силу у других колдунов и тем самым нейтрализовывать их. На их Слое эту практику переняли от магов Огневищенска. Пока отношения между мирами не испортились окончательно, потому что местные Инквизиторы решили пошалить. Вот им и перекрыли выход на нулевой, а через него – и на все остальные. Так что немагическая центральная Россия оказалась для жителей Рева них недоступна. Как и магический Питер, Огневищенск, Гореславль и многие другие места различных слоев.

Впрочем, так было даже лучше, разберутся со своими проблемами сначала. Поступление у Грозной, правда, накрылось всем, чем могло, но это мелочи. Местные маги вообще относились к происходящему, как к самопожертвованию, потому что разбушевавшаяся Служба идти на компромисс с остальными структурами не хотела и всячески вставляла палки в колеса. Просто убрать Инквизицию не давали сроки действия договора, так что ближайшие лет двадцать им предстоит расхлебывать последствия собственной доброты.

Впрочем, были и плюсы. На других уровнях, в том же Огневищенске, свои разборки идут, так что им тоже не до внутренних процессов в Рев. Полное невмешательство в чужие дела, все занимаются своими проблемами.

– Ой, какая оказия вышла, я камеру на телефоне случайно включила, – Мира шелкнула по торчащему из нагрудного кармана устройству. – Мама, конечно, не оценит, что я снова подралась, но к вашему делу запись приложит.

Ее попытались продать "Благословением", в голове неприятно и очень характерно зашумело. Мира, не дожидаясь первой атаки, попыталась дотянуться до парней сгустком сырой силы, но те ее успешно поглотили. Уже научились, хреново. Она быстро стянула все магические оболочки поближе к телу, чтобы не дать возможности резко себя ослабить, и рыбкой юркнула вниз, к земле, пропуская над головой нечто, похожее на тонкую цепочку. Благо, что такие заклинания не развеивались сами, создателю приходилось вручную подтягивать их к себе, так что Грозная успела приблизиться на пару шагов, вклиниваясь между сторонами конфликта.

– Шла бы ты отсюда...

– Какая прелесть, я его шкурку спасаю, а он меня посылает! В сторону! – Мира отдернула его вправо, не давая попасть под более концентрированную атаку.

Взрыкнула, шагая вперед, принимая на внешнюю оболочку новый удар. По телу словно наждачкой прошлись, слой магии исчез, будто его и не было, но зато она смогла ударить ближайшего инквизитора в грудь, концентрируясь на его слабом магическом ядре. Тот охнул, оседая на землю, а Мира зашипела, ощущая, как конфликт энергий буквально слизывает кожу на руках, сдирает ее.

Надо заканчивать, тем более, что водник здесь не помощник, резерв он исчерпал еще до ее появления. Шаг, уворачиваться от слабенького «Благословения» бессмысленно, так что она пропускает и эту атаку и правой рукой пробивает магическую маску на лице инквизитора-недочку, одновременно оглушая его. Правая рука у нее слабее, как и у любого левши, но и этого хватает, просто за счет голого магического резерва.

Нос ощущает знакомый запах железа, в голове словно туман сгущается, кажется, она перетрудилась. Вернее, все еще банальнее, она слила значительную часть резерва впустую. Мира разворачивается к неудачливому воднику, наконец-то рассматривая его внимательнее, а то рост – единственное, что она успела заметить до того, как взыграло обостренное чувство справедливости. Ну, или солидарности по отношению к такому же магу как и она.

– Итак, – она невольно сжала и разжала пальцы несколько раз, проверяя, обошлось ли без серьезных травм, а потом заметила университетскую нашивку с фамилией на куртке, – «Хасс А.»... Александр? Угадала?

– Да, – парень поджал губы, поправляя ремень сумки так, чтобы фамилию не было видно. – А ты зря в это влезла, они злопамятные, ты еще и чужая здесь, у нас боевиков никогда не водилось.

– Ну, у меня память тоже долгая и недобрая, фамильная. Как и у всех Грозных, – она широко улыбнулась.

И потому легко спрятала удивление тем, что ее громкую фамилию не узнали. Зато за спиной отборно заматерились, заставляя Мирку еще сильнее засветиться от радости, есть толк от родительской славы.

– Говорящая фамилия, – ненадолго повисла неловкая тишина. – Я пойду?

– Я составлю компанию, – магичка уцепилась за рукав чуть выше локтя, не давая ему и шанса проскочить мимо. – Район заодно посмотрю. Ты же не против?

До Хасса быстро дошло, что даже если он и выскажет несогласие, эту буйную магичку с прекрасной фамилией его отказ не остановит. Проще было бы быстро пройти с ней до нужного поворота и там отвязаться. Чужая сила, жгучая и перцовая, как и у всех боевых магов, тревожила, оседала где-то в горле, вызывая фантомное першение. А уж если подумать о том, как «весело» теперь будет добираться до универа, слухи-то быстро расходятся, то единственным светлым лучом становилась надежда на отсутствие дальнейших контактов с неожиданной «спасительницей».

– Да, ребятки, – развернулась она на выходе из тупика, – передайте привет отцу Федору, скажите, что Оксана Георгиевна к нему заглянет на днях.

– Кто? – едва слышно спросил парень, едва Мира буквально выволокла его в плохо освещенный переход.

– Мать моя. Аккуратно, лужа!

– Да вижу я! Мне не страшно.

– Так ты говоришь, что они тут регулярно такое вытворяют? – Грозная все-таки не отпустила локоть нового знакомого.

– Инквизиторы? Случается. Где-то чуть чаще, где-то пореже. Мне в этот двор.

– Мне дальше, – Грозная фыркнула, сдувая каплю воды с пепельно-серых волос. – Постарайся больше так не влипать. Но если что – обращайся, я к вам перехожу, раз уж моя мечта об Огневищенском накрылась.

– Сейчас везде неспокойно. Там, говорят, чуть ли не древние боги сошли в мир. Глупость какая.

– Боги-то вряд ли, – она хмыкнула, – а вот то, что маги расшалились и опять что-то делают – это наверняка. Впрочем, у нас не лучше.

Мира вытянула из кармана побитый жизнью портсигар, на котором явно подручными средствами, как бы не гвоздем, была выцарапана формула, защищающая содержимое от внешней среды. Хасс приподнял бровь.

– Что? Предупреждая вопросы: предки в курсе, хоть и против. Главное, чтобы не дома. Ну и регулярно матушка армейскими таблетками пичкает, так что я могу хоть курить, хоть «русальи слезы» в себя закидывать.

– Я надеюсь, что ты не...? – Хасс напрягся.

– Я похожа на «утопленницу»? М? – Мира уловила непонимающий взгляд и поспешила пояснить. – Профессиональное, от родителей переняла. «Утопленниками» называют зависимых. Не видел ни разу, не? Там ж очень характерная внешность становится... Ладно, увлеклась, извини. Точно сам дойдешь?

Он кивнул, внутренне радуясь, что получил возможность отвязаться от назойливой спасательницы. Судя по ее словам, семейство у нее состоит из боевых магов, а у них у всех мозги с левой резьбой, просто в разную сторону. У этой вот – желание защищать сырых и убогих, в которые и его теперь записали, перевешивает голос разума, и это прям заметно. Не страшно, но утомительно. И чем реже они будут пересекаться, тем лучше. Благо, что учиться она будет скорее всего на первом курсе, так что и в универе он ее толком не увидит.

Грозная, словно не замечая его задумчивости и нервозности, щелкнула пальцами, прикуривая от возникшего на них огонька, вызывая у водника чувство дискомфорта. Мира смерила его взглядом и убрала пламя безо всяких спецэффектов, к которым была склонна. Да, конфликт стихий стоило бы учитывать, не подумала об этом сразу.

– Я пойду.

– Иди, – она пожала плечами. – Еще увидимся, город маленький.

Назвать маленьким миллионник – надо постараться. Ему хотелось вклинить какой-то комментарий в ответ, но Грозная уже отвернулась к дороге, явно давая понять, что разговор окончен.

В чернильно-синем небе две неполные луны вышли на точку равновесия, напоминая кошачий прищур.

Родители

– Победила хоть? – спросила мать, стоило Мире зайти в кухню в поисках аптечки, потрясая разбитой рукой и тихо шипя, после промывания ссадин, пусть основную проблему она магией и убрала.

– Обижаешь, – она зубами сняла резиновую крышечку с мази. – Когда я проигрывала?

– Тебе напомнить? – раздалось от двери. – Как же его звали...

– Игорем его звали. И он был старше меня на восемь лет, так что это – не считается, – Мира развернулась к отцу и хлопнула ресницами. – Это что, усы?

– Я ему уже высказалась на эту тему, – в сторону пробормотала Оксана Грозная, хмуро рассматривая мужа.

Тот оглаживал крайне аккуратные, в чем-то и вовсе щегольские, но все же усы. Женская часть семейства, даже щетину воспринимавшая с трудом, с негодованием смотрела на эту щетку, но в ответ получили только упрямый взгляд. Мирке вспомнился портрет отцовского тезки из учебника по истории нулевого уровня. Хохотала она тогда долго, даже объяснить родителям не смогла, что ее так рассмешило. Впрочем, Иван Грозный относился к этому совпадению философски.

Мужчина посмотрел на хмурую дочь, агрессивно дующую на стремительно заживающую руку, шагнул ближе и принюхался. Брови изогнулись дугой, а на лицо напознала одновременно самая ехидная и самая довольная улыбка, на какую он только был способен.

– Мне даже плевать, что он стихийник! Покажи мне этого смельчака!

– Ну если тебя не смущает, что я его у инквизиторов отбивала, – в тон отцу протянула Мира.

– Я давно смирился, что в этой семье сильный пол – женский, – все с той же дурашливой улыбкой воскликнул Иван Владимирович.

– Бедный мальчик, – в кружку пробормотала мать Миры, рассматривая дочь и мужа. – Мне его уже жалко.

– Твоя мать и обо мне то же самое говорила, – он ухватил посмотревший на него ломтик картошки со сковороды прямо руками. – Ничего, уже двадцать лет живем.

Мирослава хмыкнула, между делом сдирая с пальцев образовавшуюся после мази корку. Под ней остались только бледные следы, которые сойдут к утру, так что можно с чистой совестью приняться за еду, периодически вставляя ехидные комментарии в очередную историю с родительской службы. От родителей слабо тянуло остаточной магией от служебных щитов, запах, с детства навевавший чувство какого-то совершенно домашнего спокойствия. Да, точно. То, как пахнет щитовая магия – запах дома для нее, они меняли квартиру за квартирой, но этот похожий на стиральный порошок душок переезжал за ними.

Девушка задумчиво жевала ужин, разглядывая очертания соседнего дома, перекрывавшего половину обзора. Переезд стал уже максимально привычной вещью и уже даже не утомлял, в отличие от заведения новых знакомств. Опять предстоит ощутить себя попугаем.

Воздух едва ощутимо запах ладаном. Мира дернулась, поводя носом, но быстро расслабилась, запах осел на ней самой, просто она не замечала, пока не отпустило. Рассказать ли родителям? Нет, про сам факт наезда инквизиторов рассказать, конечно, придется, но вдаваться ли в личность жертвы? По идее, надо, для занесения в личное дело. С другой стороны, до своих дел они как-нибудь, но доберутся, а Хассу тогда точно достанется еще крепче.

– Спрашивай уже, не сопи, – Мира хлопнула ресницами, когда отец несильно ткнул ее локтем.

– А можно не указывать в деле данные пострадавшего? Не хотелось бы его подставлять...

– Слушай, мне точно нужно знать, кто он! Раньше тебя это не волновало.

– Раньше мы и жили там, где инквизиторов за такое сразу упекали, а здесь, – она махнула рукой.

Грозная-старшая с намеком на улыбку взлохматила короткие пепельные пряди, обещая провести все с минимальными последствиями для стихийника, тем более, что Мира так и не назвала им имя. Мирка только хмыкнула, она-то не называла, но запоздавшая мысль догнала ее: нашивка на куртке. Да и конфликт выглядел так, будто ситуация повторяется уже не в первый раз.

– Я опять поспешила с выводами, да? – посмотрела она в красноречивые лица родителей.

– Ты только учишься, это нормально. Но фамилию парнишки ты мне дай, я проверю, – Оксана устало стянула резинку с хвоста.

Мира с завистью посмотрела на темноволосых родителей. Сама она уродилась мышино-пепельной, как и положено магу-боевику без какой-либо яркой склонности. Вроде бы и универсал – развивайся куда хочешь, а вроде и совершенно никакой, безликий, серый. А уж сколько шуток про псин сутулых это порождало – отдельная история. Грозная в ответ на это только закатывала глаза и лениво сплевывала «Гав».

Уже в комнате она скривилась, задирая футболку перед зеркалом и рассматривая синяк на ребрах. Подставилась. Ладно, в следующий раз будет аккуратнее, а ушиб на ней заживет как на собаке. Мирка вытянулась на кровати, стараясь улечься удобнее. Насыщенный денек вышел, на знакомства, так особенно.

Скажите, что могла бы и не лезть? Может и могла бы, да только совесть ей не позволила бы пройти мимо, издержки воспитания. Родители, правда, считали что это влияние инквизиторского настоятеля в той части, где Мира родилась, но переубедить не спешили, лучше пусть идет продолжать их дело из идеализма, чем из холодного расчета. Грозная хмыкнула, закидывая ноги на стену. Красота. Еще бы за окном так шумно не было, вообще было бы прекрасно, но в целом ситуация ее устраивала.

Мира перевернулась на бок, крепко обнимая скомканное одеяло, все еще пахнущее старой квартирой. Завтра ее ждет еще более суетливый день, чем сегодня.

Первый учебный

Грозная оглядела широкий коридор своего нового места учебы. Хотя правильнее было бы сказать «очередного». Если не присматриваться, то от предыдущего не слишком и отличается, факультеты магической теории почему-то неизбежно оказывались похожими один на другой. Мира тяжело вздохнула, ощущая, как отзываются фантомной болью ребра, а висок едва заметно ноет в предвкушении очередного блока зубодробительных расчетов. Ну не любила она теорию! Вот зачем ей помнить третью формулу Мараевой, если она чувствует количество вложенной в заклинание силы и может уже совершенно автоматически задать нужные параметры щиту?

Решив не утруждать декана проводами в кабинет, она только уточнила, где висит стенд с расписанием и наличие «нюансов» в нумерации кабинетов. А то на прошлом месте учебы были «аудитории в аудиториях», идешь по коридору, сорок, сорок два и сразу сорок шесть. А дверь в сорок четвертую – в дальнем углу сорок второй. Или сорок шестой, от этажа зависит. Подвохов, вроде бы, не было. Так что Мира с чистой совестью нашла нужную группу в списке. Триста тринадцатая аудитория, превосходно. А главное, какой оптимистичный номер. Звонок отзвучал минут пятнадцать назад, так что она не слишком сильно и опаздывала. Перед дверью Грозная замерла, поправляя уехавший ремень сумки, и после стука зашла.

– Здравствуйте, – она осмотрела забитую аудиторию. – А у второго курса потоковая лекция здесь проходит?

– А, это о вас меня предупреждали? Грозная, да?

– Да, Грозная Мирослава Ивановна, собственной персоной. Разрешите войти?

– Заходите, – немолодая женщина кивнула ей на ровные ряды, – надеюсь, у вас нет проблем со зрением. Осталась только пара мест на дальних партах.

– Меня не смущает, вижу и слышу я превосходно.

Мира еще раз огляделась, почти сразу замечая знакомое лицо, а рядом с ним – замечательное свободное место. И даже не слишком далеко. Выражение обреченности, которым отреагировал на ее появление Хасс, надо было видеть. А уж когда она упала на стул рядом с ним...

По спине прошло несколько внимательных взглядов, которые Грозная уже знала. Что, смазливая мордашка пользуется популярностью? Или наоборот? Мирка обернулась через плечо, в открытую рассматривая новую однокурсницу. Хасс тоже проследил ее взгляд, но комментировать никак не стал, возвращаясь к образцу, который старательно переносил в тетрадь. Мира решила пока не думать о чужом неудовольствии, тем более, что она проучится здесь до конца учебного года, и это при очень удачном стечении обстоятельств.

– Ты пишешь? – неожиданный сосед по парте едва ощутимо толкнул ее коленом под столом.

– Я Мараеву еще на первом курсе в военке прошла.

Дальше сидели молча. Грозная переносила записи в тетрадь, не поднимая глаз на доску, только раз скосила глаза, замечая, как Хасс шуруется, пытаясь рассмотреть степени в уравнениях. Также молча задела его коленом под столом, возвращая ему его жест, и кивнула на свой конспект. Водник несколько раз недоверчиво сверил записи Миры с тем, что выводила на доску преподавательница, а потом махнул рукой, уже почти в открытую списывая у соседки.

– Если ты еще и считать это умеешь, – протянул Хасс после звонка.

– И даже на практике использовать. Лада-Виттор хоть и поджигательница, но в щитах тоже знает толк.

– Реально умеешь? – вопрос заставил Миру обернуться.

– Здесь практика предусмотрена? – задала она встречный.

– В следующем семестре. Тоха, – кудрявый улыбочивый парень, похожий на стереотипного цыгана, протянул ей ладонь.

Грозная ответила крепким рукопожатием. Тоха – фамилию Мира рассмотреть не могла, куртка лежала свернутой на подоконнике – оказался редким болтуном и собирателем сплетен. Настоящая находка. Не только для нее, правда, так что самой лучше лишний раз языком не чесать, прекрасно представляет себе, как у таких болтунов невиннейшие фразы обрастают самыми невероятными деталями.

Антон же считал своим долгом щедро вывалить на новую однокурсницу всю ту информацию о преподавателях, которую считал существенной. Мира, конечно, слушала и даже охотно кивала, но в голове все равно делила все на два, не забывая коситься на других студентов, проверяя реакцию. Там, где глаза прикрывались или дергались, чтобы закатиться, ставила пометку "делить на четыре". А на прежнем месте учебы его бы уже заткнули, или он элементарно не доучился бы до второго курса, с такой-то любовью поболтать. Впрочем, болтовня могла быть и совершенно бессмысленной, исключительно для того, чтобы вывести собеседника, заставить его хоть словом, хоть какой иной реакцией выдать нужную информацию.

Грозная почувствовала, как у нее начинает ныть висок: кажется родители и их сослуживцы взрастили в ней параноика. Если она и здесь будет искать подвох, то точно начнет с накопителями на руках спать, чтобы не оказаться в "удачный" момент без резерва. Хотя, нет, артефакт можно стянуть с пальцев, лучше как огневищенские, вживить себе. У соседей, правда, технология позволяла только собирать магию, делая человека батареей. На Реве, благо, были свои наработки, позволяющие избежать таких проблем, да и такого жесткого деления на полноценных магов и вот таких вот "вспомогательных" не было. Хотя, положила руку на сердце, сама Мирка считала культ боевой магии и вытекающее из него пренебрежение стихийной таким же искусственным разделением. Абсолютно "гражданский" вуз ее не смущал, все равно такие же потомственные как она обучались преимущественно в семьях, военка по сути дела существовала только для самородков и вспомогательных специальностей, которым нужна была отдельная подготовка. Теорию на первом курсе Грозная прослушала только потому, что родителям в тот год было не до нее, да и для поступления пригодились бы, в Огневищенском эта часть программы на курсах до вышки изучалась и в вопросах для вступительных фигурировала.

– И как же тебя к нам занесло? – Антон запустил пятерню в волосы, убирая непослушную челку назад.

– Честно? Я в огневищенский хотела, к Мараевой, собственно, – с обожанием в голосе протянула девушка, – она же просто живая легенда. Да и алхимик там феноменальный, читала тут подборку его статей, даже мне интересно было бы, хотя вообще не мой профиль. А вышло... вот как вышло. Но, надеюсь, после изоляции у меня получится там отучиться. Может, повышение квалификации пройти, если вся эта история совсем затянется, хотя не хотелось бы.

– Сильно, – с искренним уважением кивнул Тоха. – На ее студентов, говорят, очереди стоят. Много отсеивается, правда...

– Лучше так, чем толпа недоучек с корочкой, – вклинился Хасс, начавший чувствовать себя неуютно из-за этой увлеченной болтовни за спиной.

– Вот тут соглашусь, – Грозная кивнула. – Такой отсеив...

Договорить ей помешал звонок. Мирослава коротко тряхнула головой, тут же переключаясь на лекцию, но быстро перешла на автоматический перенос преподавателя в тетрадь: теория все еще была достаточно базовая, так что магичка мысленно тяжело вздохнула. Кажется, желание переждать недоступность мечты загнало ее в медленное и тоскливое повторение пройденного. Надо было хотя бы специальность поуже брать. На магическую досудебную экспертизу перевестись что ли? Будет сама себе и ищейка, и труповед. Хотя на нудные потоковые лекции все равно ходить придется, они до середины второго курса одни на всех.

*

Мира ощущала, как мелко подрагивают пальцы и свербит в носу от запаха воска. Кто придумал проводить магам и инквизиторам совместную лекцию, Грозная не знала, но за полчаса с десятков раз успела пожелать этому человеку всех благ и целительную чистку всего организма, в народе именуемую порчей на понос.

Макушка Хасса маячила где-то сбоку, почти на стыке направлений, заставляя то и дело коситься в ту сторону, пропуская мимо ушей очередную статью договора о нейтралитете. Тем более, что сроки его истекали. Мира старательно запоминала сидящих на другой стороне зала, прекрасно понимая, что скоро придется их выкашивать. Два года, даже меньше, нейтралитет вряд ли продлят, и начнется месиво хуже, чем в Огневищенске. Там, хотя бы, внешний враг.

– Ты пишешь? – похлопала ее по плечу староста.

– А? Да, – магичка продемонстрировала тетрадь с записями.

– Или это тоже разобрала?

– Не поверишь... Умудрилась на выпускном напиток, и пока отец четыре улицы тащил мою тушку, мы очень эмоционально обсудили этот прекрасный документ. Правда, во мнениях не сошлись.

– Бывает. Объяснишь потом кое-что?

– Ну, если тебя интересует мой предвзятый взгляд...

– Он у нас у всех такой, – девушка сморщилась.

Грозная неопределенно повела плечом, вроде как соглашаясь и признавая, что нелюбовь у двух сторон силы практически органическая. Магией в их мире – "на их слое", по официальной формулировке – обладали практически все, лишенных дара – единицы, Мира даже вспомнить не может, встречала ли такое когда-нибудь. Зато идейных разногласий и закрепившихся на этом фоне различий в структуре магического тела – уйма.

Вот есть полноценные маги. У них свой источник силы, внутри себя, он может иметь абсолютно любую окраску, любую специфику, которая во многом и определяет дальнейшую специализацию. Каждый из них – самостоятельная единица, верхняя граница магического развития у каждого очерчена очень четко, сдвинуть ее хоть немного – практически невозможно.

А есть Инквизиторы, потомки тех, кто пришел когда-то с нулевого уровня, недо-маги, по мнению многих. В их магической структуре нет как такового ядра, которое давало бы им способность манипулировать силой. Зато умеют отжирать ее у других и обладают чем-то вроде коллективного магического тела. И чем их меньше – тем сильнее каждый отдельный инквизитор, так что сопротивляться они смогут долго.

К чему Грозная вспомнила-то, от их старосты едва заметно тянуло ладаном в смеси с дымом, как обычно пахнет от полукровок. И может "Смирнецкая А.Ф.", как было написано на груди, и больше маг, с идейной точки зрения в первую очередь, но преодолеть свое настроенное отношение Мира пока не могла. Да и в целом в этом зале возникало острое желание вернуться на прежнее место учебы.

Мимо лица что-то пролетело. Целились явно не в нее, но рефлекс оказался сильнее и блестящее нечто она поймала уже в последнюю секунду, чудом не зацепив передний ряд. Пальцы обожгло, едва воск на тонкой пластинке оплавился под теплом тела, Мира с шипением выронила предмет на тетрадь. Круглый, похожий на чешуйку, медальон, покрытый чисто символическим слоем воска и безбожно фонащийся. В голове забилося истерическое: "Провокация!"

Вот только с первого взгляда отследить, откуда прилетело и в кого целились было невозможно, слишком уж разношерстная аудитория была в центре зала. Но она точно знает, у кого спросить.

*

– Я дома! У нас гости? – Мира, балансируя в одном ботинке, заглянула в кухню. – Отец Федор? А я как раз к вам собиралась!

Редкий инквизитор не вызывает у мага подсознательного раздражение, можно сказать, единицы. Чаще всего терпимо относятся к тем, кто помогал выжить после появления на свет: случается у новорожденных магов отравление от избытка силы, у матери-то ядро работает активнее, а слабая система младенца с таким количеством справиться не способна. Вот и приходится аккуратно откачивать, чтобы и не покалечить магическое тело, и дать шанс выжить и сохранить дар.

На такую роль обычно брали тех, кому хоть сколько-то доверяли. Но с Федором семейство Грозных свел случай. Случай, в лице паникующего мага, сорвавшегося со службы сразу после первого звонка из больницы. Кажется, родители тогда только перевелись в новую часть, знакомыми обзавестись еще не успели, а инквизитора Иван ухватил первого попавшегося и потащил с собой в палату, угрожая ножом и сгустком огня. Кто бы знал, что все это выльется в достаточно долгую дружбу...

– Здравствуй, волчонок, – мужчина хмыкнул в чашку, выталкивая из-под стола соседнюю табуретку.

– Что-то случилось? – отец Миры внимательно смотрел, как та что-то ищет в карманах рюкзака.

– Как сказать... А, нашла!

На стол выпал свернутый несколько раз тетрадный листок, из которого девушка непослушными руками вытряхнула успевший потемнеть кусочек металла. Пальцы непроизвольно дернулись, привлекая внимание к ожогам. Грозный скривился, убирая руки подальше от находки, а потом и вовсе встал, выходя за аптечкой. Мира наверняка знала, что разговор тот и так прекрасно услышит.

– В тебя прилетело? – Федор подцепил подвеску, рассматривая смазанный рисунок, явно наспех сделанный ручкой.

– Мимо меня, в воздухе мелькнуло, поймала быстрее, чем подумала. Не знаю, кто. Да и не с руки было устраивать разборки посреди актового зала. Там и так воздух искрил.

– Видишь, вот здесь: воск, конечно, все смазал, но основные контуры еще можно различить. Похожими раньше снаряды заправляли, до перемирия. При достаточном заряде и до истощения может довести – и это одна такая чешуйка. Ты-то не ощутила, все-таки сделано на коленке да и сил у тебя – на зависть каждому, и не подумаешь, что после рождения чуть к предкам не отошла, но если в кого-то послабее, да не один раз...

– Так ведь и покалечить можно! – буркнула Мирка в зажатый в зубах колпачок от ручки.

Рисунок с чешуйки – теперь-то она точно видела, что это русалочья чешуя – магичка на всякий случай перенесла в блокнот. Инквизитор посмотрел на него, отобрал ручку и поправил линии, уточняя завитки и черточки. Вероятнее всего, имелась в виду именно эта формула, но то ли кто-то не слишком хорошо учился, то ли попытался “модифицировать”, но получилось нечто ослабленное, со слишком размытым и непредсказуемым результатом.

Подошедшего со спины отца Мира узнала по запаху, источаемому тюбиком с мазью. Лечить магические ожоги она терпеть не могла, в такие моменты хотелось выть – руку в процессе ускоренного заживления хотелось отгрызть, лишь бы она не болела и не зудела, или хотя бы дождаться естественной регенерации, но у той могли быть необратимые последствия. Приходилось терпеть, благо, что рука была не ведущая, так что и на учебе никто не заметил, и ей не слишком мешало. Грозная, правда, не сдержала возмущений магического тела, сила плеснула было наружу, но на запястье опустились шершавые подушечки пальцев – и все волнения оказались под контролем, выброс прошел без последствий, а у нее даже в глазах не потемнело. Восстановление стало восприниматься немного легче.

Она пошевелила пальцами, проверяя их подвижность. Ожоги сошли, но остатки боли еще блуждали под кожей.

– Тебя не учили, что хватать все подряд не стоит? Что? – Иван Владимирович повернулся к подавившемуся смешком инквизитору. – Хватит ржать, ты мне воспитательную беседу сбиваешь!

– Кто бы говорил о хватании...

– Вот, вот кто мне характер ребенка испортил! – воскликнул маг, прежде, чем зайтись в приступе хохота.

Мира обвела взглядом мужчин и тоже не удержала смеха. Волнение, вызванное произошедшим, медленно растворялось, как сахар в чашке, куда его от души сыпанул инквизитор. Грозная хмыкнула: отец Федор словно пытался подсластить воспоминания о собратях.

Она продолжала улыбаться, потягивая чай, краем уха вслушиваясь в ленивые разговоры. Суматошный первый учебный день отходил куда-то на второй план, даже воспоминания о Хассе заметно поблекли. В конце концов, она никогда не была против кому-то помочь, но ни за что не стала бы свою помощь навязывать – нет так нет, после отказа от ее предложения, все дальнейшие неприятности уже не ее проблемы. Наконец, когда она уже почти себя в этом убедила, инквизитор начал прощаться, но уловила Мира только конец фразы:

– ...пойду.

– А я еще спросить хотела... А, пройдуся, заодно в магазин забегу! – она сдернула с холодильника список и обернулась к отцу. – Ты ж не против?

– Иди, волчонок, только постарайся не как вчера.

– А что вчера? – Федор нахмурился.

– Вот и расскажу! Мне как раз нужен ваш взгляд.

Мирослава утащила инквизитора за собой на лестницу, сразу же принимаясь вываливать мужчине все события прошедших суток: и про Хасса с распоясавшимся инквизиторским молодняком, и про старосту в новой группе, и про подозрения о развитии у себя любимой паранойи. Слушатель ей попался благодарный, неперебивающий, только иногда вклинивающий уточняющие вопросы, так что через пару дворов она закончила изливать душу, теперь ожидая вердикта. А мужчина всерьез задумался, прикрывая светлые и будто светящиеся глаза.

Он прекрасно понимал, что Мира не станет сидеть смирно – не тот характер, это и по родителям понятно, тем успокоились только ради дочери, и то далеко не сразу. Просить ее не лезть тоже бессмысленно, чувство справедливости у его, как сказали бы на нулевом уровне, крестной дочери было не просто обостренным – это было лезвие, на котором Грозные танцевали всю жизнь, регулярно пуская себе кровь. Оставалось одно...

– Мне с ними поговорить? Понимаю, что просить тебя быть осторожной – глупо, но ты можешь мне пообещать хотя бы не лезть в пекло и не молчать, если что-то происходит?

– Могу пообещать постараться. А насчет поговорить, – она отвела глаза. – Не знаю. За себя-то я не боюсь, мне сил отбиться хватит, а вот Хасс...

– Приятно видеть, что ты выросла и теперь думаешь еще о ком-то кроме себя, – Федор погладил девушку по спине. – Что длиннолапый волчонок постепенно матерееет, а желание причинять добро и наносить справедливость теперь советуется с голосом разума.

Та смущенно уткнулась ему в плечо, слушая тихий смех где-то над головой. Ростом природа ее не одарила, полтора метра с кепкой – не удивительно, что любые предупреждения и угрозы с ее стороны воспринимались со смехом. Правда, смеялась последней обычно Мира, когда поверженный противник наконец-то вспоминал, что удары снизу могут быть не только подлыми, но и очень болезненными. Да и недостаток голой физической силы прекрасно компенсировался магической мощью, позволяющей и кости, мышцы, связки укрепить при ударе, и восстановиться быстрее, если вдруг пропускала чужой кулак. И все равно оставалась в глазах окружающих мелкой занозой.

Хотя, со стороны инквизиторов-недоучек, вчера, за гаражами, сцена наверняка была комичной: мелкая зубастая мышшь в лице Грозной и тощий, но высокий, похожий на печаль-

ного суриката Хасс. Смешок удержать не получилось, пришлось делиться мыслью. Инквизитор хмыкнул: Оксана тоже поначалу производила впечатление чего-то мелкого, бестолково суетящегося под ногами. И горе тому, кто посчитает женщину безобидным грызуном. Поговаривали, что ситуация повторяется из поколения в поколение, и Грозные или специально себе таких жен выбирают, или мужчины входят в это семейство, меняя фамилию. В любом случае, династия оставалась стабильной. Стабильно потрясающей, потому что многих от них натурально трясло. Про старшего брата Ивана, Миркиного дядю, Федор только слышал, что тот где-то на разведке новых уровней служит вместе с супругой, но чутье говорило инквизитору, что в самые опасные щели новых миров лезет первым отнюдь не Антон.

– Но, пожалуй, на плановую воспитательную беседу я их приглашу. Ладно, волчонок, мне пора. Постарайся из магазина дойти без приключений.

Мирослава кивнула. Она постарается, но обещать ничего не может и они оба это прекрасно понимают.

Ночь

На новом месте спалось отвратительно уже третью ночь подряд, так что Мира решила действовать способом, проверенным за годы переездов, и теперь собиралась умотать себя до изнеможения. А для этого нужно было пройти мимо родительской спальни и выбраться на улицу. Схема отработанная и привычная обеим сторонам: уж каким чутьем родители определяли, что у нее очередной приступ бессонницы, а не “что-то случилось”, магичка не знала, но в этот раз никто не проснулся, чтобы ее остановить. Посчитав это добрым знаком, Грозная выскользнула на лестничную площадку, уже на ступеньках принимаясь шнуровать кроссовки. В подъезде висел стойкий запах дешевого курева.

Девушка проверила ключи в кармане, сжала лежащие в куртке наушники – и не стала их доставать. Город новый, лучше держать уши открытыми. Да и живут они не в военном городке, как на прежних местах, это там молодняк в лицо знали, кто чей и что сделал, так что ночным забегам вокруг домов никто не удивлялся.

Спуск по ступенькам с шестого этажа заставил окончательно проснуться – вот уж чего она надеялась избежать, но это неприятное событие ее догнало. Теперь точно придется пару часов круги нарезать. Грозная повела плечами, привыкая к влажному ночному воздуху, и ленивой трусцой двинулась вдоль дома. Первые пару... десятков кругов прошли как по маслу – ни единой живой души в округе не наблюдалось, а без музыки бегать было откровенно скучно, так что мозг начал стремительно отключаться. Магичка поставила себе цель: еще кружочек и домой, спать, когда сбоку раздалось шуршание шин.

– Девушка! – раздалось из салона. – Девушка! А вы вот не боитесь одна ночью гулять. Вы вот такая маленькая и хрупкая...

– Я больно бью и быстро бегаю, так что нет, не боюсь, – Мира прибавила скорости, до поворота во двор оставалось еще три десятка окон.

От “собеседника” слабо тянуло илом и речной водой, ей даже оборачиваться было не нужно, чтобы опознать утопленника, да и интонации в голосе характерные проскальзывали – разговоры у мавок может и отличались в разных частях Рева, но вот что-то общее имелось. То ли странная певучесть речи, то ли звучание голоса, будто глотка водой заполнена. Мавок и завезенных с других уровней русалок – такую же разумную водную нечисть, только с рыбьим хвостом – боевики не любили, как терпеть не могли и водоемы. Собственный огонь с неживой водой плохо уживался, настолько, что доходило до странного. Например, боевые маги были теми немногими, кто никогда не смог бы назвать мавок красавицами, не действовал на них их морок. К налакавшимся их слез “утопленникам” относились схожим образом, на каком-то животном уровне испытывая острое отвращение.

Шуршание шин прекратилось, щелкнула дверь. Мира продолжила движение, не оборачиваясь и окутывая руки тонким слоем магии, с трудом удерживая ее под контролем. “Злость плохой советчик, Мира, соберись, не хватало еще пожар устроить из-за такого как он”.

– Ну невежливо же, – пальцы сжались на локте, заставляя магичку обернуться, кривясь от запаха тины, ударившего в лицо.

– Дядь, иди, куда шел, – Грозная ощущала, как кипит кровь, как подрагивают пальцы, а она начинает заводиться.

Только она уже прекрасно знает, куда идет дело, и вырывает свою руку как раз на фразе о хамоватой молодежи. Полмгновения уходит на выбор: бей или беги? Бей или беги? Последствий и проблем не хочется, беги! Она срывается с места, старательно игнорируя свербящий запах реки, не исчезающий до конца, становящийся только чуть слабее, успевает нырнуть во двор, чтобы попасть буквально под колеса патрульной машины.

Вместо ответа на вопросы она просто кивнула за спину, где медленно обрабатывал информацию “утопленник”. Кажется, забег только усилил эффект, потому что увернуться от паралички тот не успел, но это Грозную уже мало волновало – по боку стекала кровь, слишком теплая, чтобы быть чужой. Кажется, она еще не успела восстановиться после вчерашней встречи с инквизиторами – вот и эффект. Привалившись к машине, Мира потянулась под футболку – под пальцами ощущался гладкий порез, слабо покалывающий из-за магического отторжения.

– В порядке? В больницу не надо? – вопрос она разобрала со второго раза, попросту пропустив первый мимо ушей.

– Царапина. Дома обработаю и нормально будет. Родители будут в восторге, – она посмотрела на “утопленника”. – Из “заповедника” сбежал что ли?

– Знаешь что, умный ребенок, поехали-ка с нами, – патрульный маг посмотрел на ее скривившееся лицо, – ладно, на переднем, если тебя не смущает общество инквизитора. Могу пока телефон дать, родителям позвонишь, если артефактов с собой нет.

– Еще бы новый стационарный номер помнить, – она залезла на предложенное место, смерая взглядом сидящего за рулем представителя культа.

Спорить и пытаться увильнуть домой Мира даже не пыталась, да и зацепили ее явно чем-то не слишком чистым, отравленным, раз организм решил отреагировать тошнотой и головокружением. Краем уха она слышала, что у “утопленников” внутри может самая неожиданная гадость синтезироваться под действием русалочьих слез, так что лучше пусть она будет под присмотром, чем ползет на шестой этаж сама. Наверное, можно было попросить просто проводить и сдать с рук на руки родителям, но хорошая мысль тем и хороша, что приходит опосля. В ее случае – патруль успел отъехать от ее дома, а в руку вложили телефон. Древний даже по местным меркам, до недавней изоляции на Рев активно таскали технологии с нулевых уровней, у самой Грозной в рюкзаке лежал сенсорный, но тут выбирать не приходилось.

– Вообще ничей не знаешь? Так, не фони мне тут, – мужчина едва коснулся ее руки, но тут же отдернул пальцы, когда Мира обожгла его из-за конфликта сил. – Понял, не лезу. Кому звонить-то будешь?

– Я... Так, я знаю, что мне точно ответят... Отец Федор? – девушка распахнула глаза, узнавая собеседника на той стороне. – Значит, не мамин номер, ладно. А вы сможете меня из отделения забрать? Номер?

– Пятнадцатое, – понял ее заминку патрульный.

– Пятнадцатое. Да. Да. Нет, не моя вина. Да, опять приключения. А можно вас попросить родителям не звонить сейчас? Я потом сама все расскажу. Ага, спасибо. Да, до встречи. Спасибо, – последнее было обращено к инквизитору по соседству, который не глядя засунул мобильник в нагрудный карман.

– Было бы за что. Странно, что ты позвонила одному из наших.

– Чей вспомнила, тот и набрала. Может, так и лучше, родители переживать не будут вот так сразу.

– Часто создаешь проблемы? – усмехнулись с заднего сиденья. – Да смирно ты, не булькай!

– Всякое бывало. Правда, в отделение я еще не попадала, пусть и в таком качестве. Можно я, – она ткнула в окно, – кажется, меня укачивает.

После кивка Мира едва ли не высунулась наружу. И пусть магичка прекрасно понимала, что ее в принципе укачать не может, ну не бывает боевиков с плохим вестибулярным аппаратом, особенно потомственных, но тошнота все равно мучала.

Попытки залатать бок магией провалились, и запах крови все-таки поплыл по салону. Инквизитор кинул взгляд в зеркало, но сзади все было спокойно, “утопленник” ушел куда-то в себя, ловя порцию видений, а вот от пострадавшей как раз-таки отчетливо тянуло железом и

дымом, кажется, магичку задело сильнее, чем она пытается показать. Так что Василий прибавил скорость, не хватало еще им трупа, да еще и от рук накачавшегося дрянью мага.

В отделении их уже встречали, и ожидающего их отца Федора инквизитор опознал сразу – видел в числе переведенных из глуши, в компании магов, очень похожих, кстати, на... Он посмотрел на Миру. Ну да, на мелкую потерпевшую. Ее крестный отец? А так и не скажешь, что она когда-то была на грани смерти, весьма активная и боевая девчонка. Федор нужную машину из числа подъехавших опознал сразу, помогая выбраться – а не выпасть – из салона Грозной-младшей. И ведь просил не попадать в приключения, но, кажется, те вполне успешно находили ее сами.

Рана раздражала. Мирка терпеть не могла болеть, стараясь встать на ноги как можно быстрее – настоящая дочь своих беспокойных родителей. Так что инквизитор не сомневался – на учебу она сегодня утром помчится, даже если порез ей зашьют прямо перед парами. Футболка под пальцами была сырой и теплой, даже в полумраке на синей ткани было заметно темное пятно. Мужчина молча, придерживая ее за плечи, кивнул коллегам и повел магичку внутрь, даже не пытаясь поднять на руки, пусть и вышло бы это без проблем. Просто не хотел сориться с Грозной и терять время на уговоры.

Мира, правда, упрямитесь и мешать лечению тоже не собиралась, так что в медпункте послушно села на кушетку, задирая футболку перед сонной магичкой-фельдшером. Та провела пальцами вдоль раны, сплела несколько диагностических и недовольно нахмурилась: яд в ране действительно был, да еще и магический резерв выжирал, благо, что сама Грозная этого пока не ощущала слишком заметно – симптомы походили на среднее истощение и конфликт энергий, как бывает, например, после контакта с инквизиторами. В перспективе, конечно, такое могло и до комы довести, но с ней такого не случится. Бланки на столе зашевелились, самостоятельно заполняя, пока целительница диктовала свои наблюдения.

– Порез, нанесенный тонким острым предметом, предположительно, – женщина задумалась, – заточенной монетой или крупной чешуйкой магического существа. При учете того фактора, что ранение было получено в результат действий лица, употребившего "русальи слезы", вероятно, русалочьей чешуйкой. Как давно?

– Около получаса назад, может, минут сорок, – инквизитор посмотрел на часы, вспоминая, во сколько раздался звонок.

– Сопrotивляемость яду, демонстрируемая потерпевшей, высокая, вызванная врожденным иммунитетом и магическим резервом выше средних значений. Аллергий нет?

– Не замечали, – Мира пожала плечами.

– На пчелиные укусы и мед, – вклинился все еще стоящий у двери Федор. – Не смотри на меня так, я прекрасно помню, как ваша беспокойная компания на пасеку к перевертышам залезла.

Грозная тяжело вздохнула из-за напоминания о провале, но отрицать очевидное было бессмысленно. Факты – вещь упрямая. Тем более, что изначально дурацкая идея принадлежала ей, так что в тот момент она даже считала справедливым, что все отделались легко, а она угодила на три дня в лазарет. Зато урок был усвоен на всю жизнь. Нет, на пасеку лазить они не перестали, просто Мира успешно выучила пару простых щитов от физических объектов. Мать ругалась и закатывала глаза, ее такой вариант мотивации к обучению – через попадание в неприятности – не устраивал, отец тяжело вздыхал, но не комментировал – иначе пришлось бы напоминать Оксане об ее собственном студенческом походе на русалочий пляж. И о том, как ему пришлось расточать комплименты мавкам, лишь бы те от нее отвлеклись и дали пару минут на побег.

Словом, порода явно прослеживалась.

А вот откачать насыщенный магией яд с первой попытки не получалось из-за сопротивления организма чужому воздействию, так что Федор сел рядом с Миркой на кушетку, акку-

ратно обнял за плечи, прерывая ток силы в теле. Девушка невольно охнула, обмякая, зато дело сразу пошло на лад. Так что едва яд покинул тело, а медичка потянулась за обезболивающим – пользоваться заклинаниями было бы нежелательно после выведения насыщенных силой веществ – уже проявляла привычное нетерпение:

– Да шейте так, наживую. Все будет нормально.

– Я бы рекомендовала...

– Лучше шейте, она пыталась открытым перелом голыми руками собрать, потому что больницы не любит, так что тут точно хуже не будет. Странно, что при такой способности терпеть боль, все равно боиться щекотки.

И резко выдохнул, когда недовольная Грозная клацнула зубами у него над ухом. Звериные повадки этой девчонки до сих пор умудрялись удивлять, вылезая в самые неожиданные моменты. Впрочем, привыкать к такому – значит ослабить бдительность, дать застать себя врасплох способности этого семейства находить неприятности на голову.

– И в какой момент вы собирались мне об этом рассказать?

Оправдания

– И в какой момент вы собирались мне об этом рассказать? – у двери медблока стояла Оксана Грозная. – Почему я о произошедшем узнаю случайно, когда меня вызывают посреди ночи из-за очередного “утопленника”?

Федор и Мирослава переглядываются и осторожно пожимают плечами. Они честно собирались сказать, просто – позже. Но судьба решила, что о таких неприятностях близких нужно предупреждать сразу, потому что иначе будет риск подорвать доверие. Грозная-младшая стыдливо опустила глаза, ощущая, как кровь отливает от лица – родители позволяли ей многое, не слишком контролировали, потому что были уверены в благоразумии собственной дочери, поэтому каждая такая ситуация заставляла Миру чувствовать себя... скажем, очень не очень. Пусть она и была отцовской копией – и папиной дочкой, что уж тут – но это не означало привязанности только к одному родителю. Просто отношения с мамой были другими, строились на других принципах.

Пока девушка собирала слова в кучу, чтобы оформить их в какое-то подобие извинения, Оксана уже подошла ближе, стискивая дочь в крепких объятиях, и Мира поняла – не злится, испугалась. На душе от этого осознания стало еще поганее. И пусть формально Мирка уже была самостоятельной единицей, совершеннолетие у магов наступало в девятнадцать, достаточно долгий срок жизни – двести лет не были даже рекордом, ее собственная прабабка разменяла уже третье столетие – давал им некоторую инфантильность. В принципе, в возрасте ее родителей многие только начинали задумываться или о получении образования по магическому профилю, или о первом ребенке. Хотя сейчас средний возраст студентов и резко уменьшился, но Мира затруднялась сказать, с чем это связано.

– Я номер не вспомнила...

– Даже не удивила. Единственные цифры, которые вы оба помните – это коэффициенты в формулах, все остальное считаете неважным.

Мирка пожалала плечами: что правда, то правда, отец как-то раз умудрился забыть, когда у него день рождения, что даже по ее меркам было из ряда вон выходящим событием. Близкие к этому факту относились снисходительно, благо, что у Федора с датами проблем не было, и инквизитор, по доброте душевной, не иначе, заблаговременно напоминал о важных событиях то Ивану, то его дочери.

Из-за двери показался патрульный инквизитор, с которым Грозная-младшая приехала в отделение, Василий, тихим покашливанием привлечший внимание Грозной-старшей. Та еще раз осмотрела дочь, убедилась, что цветом лица та больше не сливается со стеной, да и вообще подает больше признаков жизни, и вышла. Мира снова осталась в компании Федора и местной медички. Кажется, ее звали Альбиной, но Мира не запомнила, тогда все усилия уходило на сохранение “состояния стояния”. Инквизитор мягко погладил мелкую магичку по волосам, неожиданно хмурясь. Привычный мышиный цвет словно чуть потемнел, будто тонкий слой пыли сдули. Но в неярком освещении ему могло и показаться, так что обнадеживать девушку проявлением большей склонности именно к собственно боевой магии пока не стал. Тем более, что в дверях мелькнула голова Оксаны:

– Мира, пойдём, расскажешь, что случилось, и поедешь отлеживаться. Фёдь, захватишь к себе? Хочу, чтобы она под присмотром была.

– Без проблем.

– А отец? – Мирослава вышла за матерью, надеясь, что не слишком заметно вписалась плечом в дверной проем.

– Должен быть на пути в “заповедник”. Во сколько у тебя первая пара? Успеешь?

– Нам ко второй, еще и выплусь, если все это не затянется, – она аккуратно ухватилась за материнский локоть.

– Не должно. Тут даже при всем желании тебе какие-то претензии предъявить нельзя. Вот если бы ты его чем-нибудь приложила...

– У меня была такая мысль. Но решила не связываться. Не была уверена, что две драки подряд – хорошая идея.

А еще был риск не рассчитать силы. Утопленников или брали живьем, используя исключительно физические методы и ряд заклинаний, однозначно неспособных дать какие-то побочные эффекты, или устраняли на месте. Чаще, конечно, последнее, если такие зависимые доходили до стадии неадекватного поведения, значит, последствия уже необратимы. Впрочем, жалеть о них обычно уже было некому – на слезы подсаживались не в поисках эйфории, а в поисках забвения, они приглушали эмоции, делали мир нечетким, неярким, тихим, словно сквозь толщу воды. Столкнувшись с таким впервые, тогда – только в теории, Мира была в шоке. Кажется, ей было двенадцать или что-то около того, и отец долго и вдумчиво разговаривал с ней, в том числе, о том, что иногда кажущаяся жесткость – на самом деле милосердие.

В кабинете, на котором девушка с ухмылкой рассмотрела имя собственной матери, ее ждала все та же пара патрульных и незнакомый инквизитор, исходящий от которого запах ладана и воска на миг вышиб воздух из груди, заставил задержать дыхание.

– Итак, Мирослава Ивановна, – инквизитор сверился с бумагами на столе. – Расскажите о событиях сегодняшней ночи.

– Я вышла побегать, – Мира аккуратно опустила на предложенное место, машинально прикрывая бок рукой. – У меня проблемы со сном на новом месте, мне обычно помогает. Уже собиралась заворачивать во двор, когда со мной поравнялась машина.

– А дальше? – инквизитор странным взглядом смерил стоящую за спиной дочери Оксану.

– ”Девушка, а вам не страшно? А поехали кататься”, потом вылез, начал за руки хватать.

– И Вы атаковали.

– Что? Нет! – Грозная-младшая подавилась воздухом. – Я вырвалась и побежала во двор, попала почти под колеса Вашим патрульным. И мои слова, кстати, подтверждает тот факт, что сигналка на потолке молчит. А Вы, кстати, могли бы перестать пытаться продавить меня “Смирением”.

– Значит, мне не показалось, да, Вадим? Мира, иди, тебя уже ждут. Утром не геройствуй, не станет легче – отлежись. А я пока тут закончу.

Девушка напряженно посмотрела на мать, кожей ощущая ее раздражение. Ухо нервно дернулось. Кажется, она слышала про какого-то Вадима-инквизитора, но слишком давно. Хотя, как показывает опыт, мир тесен, столица может и является городом-миллионником, но занятых на негражданских специальностях магов и инквизиторов наберется от силы под сто тысяч при населении Рева в пять миллионов. Естественно, если считать только людей, с нежизнью различной степени разумности – раза в три больше, но подавляющая часть предпочитала прятаться в непроходимых лесах, считая человека слишком опасным, непредсказуемым и проблемным соседом.

За дверь кабинета, куда Мирославу вывели все те же патрульные пятнадцатого отделения – из кабинета Грозной-старшей их сдуло сразу же, даже сама Мира не рискнула бы оставаться рядом с матерью в состоянии такого холодного бешенства – ее уже ждал Федор. Инквизитор косился на дверь с крайне понимающим взглядом, Впрочем, недовольства по этому поводу он явно не испытывал.

– Я могу ее забирать?

– Да. Не думаю, что возникнут еще какие-то вопросы. У вас удивительно смелая и крепкая духом крестница, брат Федор, – Василий смерил взглядом привалившуюся к стене Миру. –

Впрочем, теперь я понимаю, что есть в кого. А еще она крайне похожа по описанию на ту магичку, на которую жаловались ваши подопечные...

Федор устало прикрыл глаза, Мира дернула губами, прекрасно зная, что за закрытыми веками тот их закатил, ну или усердно давит это желание. Но от него явно ждали ответа, так что мужчине пришлось отреагировать хотя бы коротким:

– Позорники.

– Вот и я так считаю. Опустим даже тот момент, что их отметила девчонка, полтора метра в прыжке с табуретки, – Мира хмуро сверкнула глазами, – так еще и одна – двоих.

– Мы пойдем, – Федор перебил коллегу. – Кажется, кто-то сейчас по этой стене уползет.

– Я превосходно себя чувствую, – Грозная и правда чувствовала себя неплохо, не считая жуткого желания упасть в кровать хотя бы на пару часов, спонтанная прогулка все-таки принесла результат, ради которого и затевалась.

И все-таки подставленное плечо Миру обрадовало. Воздух уже едва различимо пах приближающимся утром, так что больше четырех часов сна у нее вряд ли получится выкроить, даже если уснет прямо в машине инквизитора. Но лучше уж так. Магичка рухнула на заднее сиденье под понимающим взглядом и тут же провалилась в вязкую, похожую на мед дрему. И все же тело успевало реагировать, упираться рукой в переднее сиденье, когда был риск побеспокоить глубокий рубец на боку при особенно крутом повороте. Благо, что вел Федор аккуратно, Мира среагировала всего-то пару раз. А к приезду во двор и вовсе отключилась окончательно, не чувствуя, как ее аккуратно поднимают на руки, словно больного щенка.

*

– Вашу мать... проспала, – простонала Мира, едва рассмотрела будильник напротив кровати. – Ну, зато выспалась.

– Я позвонил твоему куратору, можешь спать дальше, – в дверях мелькнул Федор, уже одетый в служебное черное. – Думал, не проснешься так рано. Как ты себя чувствуешь?

– Как медуза.

– На чешуйке, – он замолчал, думая, стоит ли говорить, не оторвет ли ему Оксана голову, но посчитал, что Мире стоит знать, – была смесь слез с образованным в теле “утопленника” ядом. Тебя лихорадило почти сутки. Благо, ты достаточно сильно любишь жизнь. Оксана хотела обойти момент со слезами, но я считаю, что ты имеешь право знать.

– Плохая шутка.

– На руки посмотри, ты с капельницей полежать успела, хотя уже через пару часов и радовала медиков ударным возвращением в норму. Так что сегодня и выходные отлежишься. Все, что в холодильнике найдешь – твое. И не делай такое лицо, Мира. Я прекрасно знаю, что ты хочешь сказать.

– Ненавижу болеть! Можно я хоть на улицу выползу?

Одного красноречивого взгляда хватило, чтобы Мира поняла: куковать ей здесь до вечера воскресенья. Тем более, что на руках действительно нашлись уже почти зажившие следы от игл. Инквизитор вздохнул, опускаясь на край разложенного дивана, немного времени у него еще было. Грозная тут же вцепилась в локоть и села, прижимаясь к плечу. Мужчина аккуратно погладил ее по спутанным волосам, стараясь по возможности разобрать пряди. На тактильность посторонних она всегда старательно фыркала, но Федор посторонним не был, являясь фактически кем-то вроде некровного родственника. Из-за этого даже запах ладана, характерный для всех инквизиторов, не ощущался таким тошнотворным.

Вообще, ее всегда это забавляло. Как в местных инквизиторах смешался эффект от магических аномалий Рева, отдельные навыки от Собирателей Огневищенска и осязаемая часть от инквизиторов Нулевого уровня. Собственно, на последних местный орден и был замешан, несколько столетий назад по времени Нулевого их инквизиторы попали на магические уровни,

но в итоге сами обрели неполноценное магическое тело. А получилось то, что получилось. Вот только природная неприязнь к магам и нелюди никуда не делась.

– С чего он так на меня взъелся?

– Вадим? – инквизитор сразу понял, о ком идет речь. – Он всех магов не любит в принципе, а “утопленник” еще и из наших был. Ладно, волчонок, мне пора. Организм тебе, конечно, почистили, но постарайся не напрягаться магически хотя бы пару недель. А сейчас и от бытового колдовства воздержись. Не хотелось бы последствий.

Он поцеловал Миру в лоб. Своих детей у Федора не было, а склад души требовал кого-нибудь опекать, так что тянущему его за собой магу инквизитор не особо сопротивлялся, особенно когда расслышал про жену и ребенка. А потом так привязался к мелкой проблеме, что переводился на новые места следом за Грозными.

Мирке очень хотелось по-детски повиснуть на мужчине, но она прекрасно понимала – служба есть служба, и возмущаться по этому поводу бесполезно, тем более, что даже ребенком она была крайне самостоятельным, сказался образ жизни семьи, да и окружение всегда было таким же. Правда, в пустой квартире неизменно становилось скучно, так что даже простужаться она старалась как можно реже.

– Книжный шкаф тоже в твоём распоряжении, найдешь, чем себя развлечь. Если что – я на связи.

– И это меня радует. Я, наверное, отосплюсь тогда за последнюю неделю. Если отвечать на звонок не буду – не пугайся сразу, дядь Федь.

Инквизитор хмыкнул, кивая. “Детское” обращение явно говорило, что досталось Мирославе от души и сил храбриться у нее уже нет. Так что мелкую магичку он решил не напрягать, опрокидывая обратно на подушку и плотнее укутывая одеялом. Сонное сопение слух уловил практически сразу, стоило только выйти за дверь комнаты.

*

Воскресенье наконец-то доползло до нее, потому что безделье растягивало время в непрерывную жвачку, липнущую ко всем поверхностям, бесконечную. Мира даже с тоски откопала на полках у Федора задачки по теории магии и основам алхимии, коротая дни за повторением изученного и расширением знаний – этого издания у нее не было, а теория в нем оказалась расширенная.

И родители, и крестный – Мирослава вполне охотно использовала этот притащенный с нулевого уровня термин – стабильно прозванивались раз в несколько часов, удивительно четко улавливая моменты, когда она не спала. Уже к вечеру пятницы реакция на звонок превратилась в “Все нормально. Поела. Не напрягаюсь, сплю. Пока”. К обеду в субботу пришло короткое “Уезжаем в заповедник, не теряй” от отца, из чего девушка сделала справедливый вывод: процесс идет, так что достанется всем, и “утопленникам”, и русалкам-мавкам, и тем, кто находится между ними. Вечером в тот же день вернулся Федор, обрадовавший Миру новостью о выходном, в компании медика, снявшего с Грозной целую паутину целительских заклинаний, внимательным взглядом окинувшего ворох нитей и довольно кивнувшего: пациентка в порядке, волноваться не о чем, но нагрузки все еще рекомендуется оставить на минимуме. А после целитель еще и неприятную новость сообщил, о том, что шрам у нее все-таки останется. Одно радовало, шрам будет на не слишком-то видном месте.

– Я так понимаю, если бы со мной что-то случилось, он бы примчался даже при твоём отъезде? – Мира потянулась к стоящей рядом с кроватью чашке.

– А ты думаешь, мы бы оставили тебя без присмотра?

– Слабо в это верится. В понедельник-то мне уже можно будет выйти? Я скоро корни пушу!

– Можно даже сейчас. Иди в душ, потом пойдем тебя выгуливать, пока ты здесь не одичала.

Мира осторожно поднялась на ноги, достаточно плавно, чтобы не потемнело в глазах. Она точно знала, что в самом худшем случае к концу следующей недели последствия сойдут на нет, хотя мощные яды в ее организм еще не попадали, предсказать было нельзя. Вот родители, например, перенесли бы все это гораздо легче, в этом девушка была уверена. Отец Федор все вспоминает ей попытку “собрать” открытый перелом голыми руками прямо в том же лесу, но упускает один простой факт: такое отношение к собственному здоровью у нее не на пустом месте появилось. И пальцем ткнуть по этому поводу можно не только в биологических родственников. Инквизитор тоже любовью к целителям не отличался, пусть и не пытался, в отличие от Грозных, от них сбежать, если уж попадал в цепкие руки.

Переданная матерью сумка нашлась у двери ванной.

Вода немного прояснила голову, к ужину Мира уже практически пришла в себя, а на воздухе и вовсе жизнь заиграла нормальными, яркими красками. Инквизитор жил почти в том же районе, так что местность была знакомая, ничего такого, что заставило бы напрягаться от каждого шороха. А уж ошарашенные лица тех двоих, в чей конфликт с Хассом она влезла, и вовсе подняли настроение до небывалых высот, тем более, что Федор сразу понял причину этих выразительных взглядов.

– Они? Тогда, за гаражами? – он аккуратно придержал Миру за плечо.

– Угу. Они, – она не стала добавлять “Сам же наверняка знаешь”. – Интересно, а у магов ноют раны на погоду?

– Криво залеченные – с годами начинают. А так мы все-таки крепче обычных людей, да и медицина лучше. Не должно. А что? Что-то беспокоит? Бок ноет? – Грозной показалось, что запах пропитанной воском силы оседает на коже, въедаясь в нее.

– Да нет, просто любопытно...

Бок действительно почти не ныл, только при резких движениях напоминал о себе, так уж получилось, что и удар от инквизиторов-недоучек, и рана от чешуйки пришлось практически на одно и то же место, так что заполучить себе в пользование личную метеостанцию Мирослава вполне могла. Хотя что-то подсказывало, что вариант “криво залеченный” здесь не подходит.

Инквизитор осторожно потянул ее в обратную сторону, очевидно посчитав, что той не очень хорошо, а дальнейшая прогулка пойдет во вред. Мирославу неожиданная встреча вернула мыслями к однокурснику, возможно действительно огребшему дополнительных проблем из-за ее активности.

– Знаешь, как они оправдывались? “Лучше мы разберемся до того, как он окажется в заповеднике, со старшим братом вместе”.

– А старший? – Мира хлопнула ресницами, перебирая варианты.

– Полукровка. Без перекосов, в идеальном балансе. Хасс этот тоже полукровный, но тут вышел чистый маг, пусть и середнячок.

– Странно тогда, что на него так на курсе смотрят. Староста наша тоже полукровная – и ничего.

Федор пожал плечами: всякое бывает. Тут же не только на происхождение надо смотреть, сколько на характер и отношение к окружающим. В любом случае, Грозная сделала себе мысленную пометку присмотреться внимательнее.

И где?

Возвращение на учебу прошло в штатном режиме, практически также незаметно, как и исчезновение Миры, все-таки примелькаться в новом коллективе она еще не успела. Зато теперь Грозная внимательно рассматривала собирающихся в аудитории студентов, выискивая знакомые лица и пустые, не занятые и не забитые для товарищей, места. Со второго ряда ей приветственно махала староста, явно намекая присесть рядом с ней. На счастье не горящей энтузиазмом магички, рядом с Алиной рядом опустилась другая студентка, имени которой вспомнить так и не вышло.

Следующий вариант обнаружился рядом с Антоном. Тоха, правда, счастья соседства с Мирой явно не ожидал: спешно повторял что-то в своих записях и, по крайней мере так казалось от двери, молился какому-то безымянному божеству, покровительствующему студентам. Зато после падения Грозной на стул страдальчески развернулся к ней:

– Я не понимаю! Как это считать? Зачем оно мне вообще надо? Как думаешь, мне дадут отчислиться сейчас? А если...

– Боги... Хасс хотя бы молчал. Дай сюда, хоть посмотрю, что там проходили, – она отобрала тетрадь. – И ручку дай, кто так пишет...

– А ты всегда такая злая с утра? – Антон заглянул через плечо.

– Только когда что-то болит или раздражает. И бесполезная суета входит в число раздражающих вещей.

Здесь Грозная, конечно, лукавила. Суету с болтовней она прекрасно научилась игнорировать еще в детстве, образ жизни сказывался: переезды, чьи-то постоянные визиты, куча новых людей вокруг, срывы родителей с места в очередную погоню. Все это не могло пройти мимо, так что Мира могла бы спать под летающими заклинаниями, иногда уворачиваясь от долетающих осколков и искр, если, конечно, это не была новая квартира. В остальное время ей было все равно. Но ноющий бок портил настроение, хотя уже гораздо меньше, чем вчера, так что она весьма бодро исправляла в конспектах однокурсника неправильно списанные формулы.

– Ты все перепутал, когда писал, вот и не понимаешь, как это работает. Ну, в теории, запустить этот анализатор можно было бы и так, но, – она зависла над расчетами, – но скорее всего попортит все улики. Вот тут, где блок, ответственный за количество магии, коэффициенты не уравновешены, перекокс возникает.

– Тебе говорили, что ты жуткая? – с придыханием протянул Тоха.

– Мне – нет. Матери – да. Что она жуткая. Хотя я с этим не согласна.

– Могу представить, – он повел плечами, пытаясь представить себе Грозную-старшую.

Почему-то представлялась Мира, просто фантазия накидывала ей пару-тройку десятков лет и пожелтевшие от боевой магии глаза – у таких как она они почему-то со временем приобретали подобный оттенок. Даже сейчас у девушки мелькали какие-то золотистые искры, хоть и редкие. Характер, правда, он себе представлял слабо, по какому пути она пойдет? Станет жесткой, гнушей свою линию вопреки мнению и чувствам окружающих? Или из нее получится рыцарша... рыцарка... как правильно назвать рыцаря женского пола? Словом, благородная героиня без страха и упрека. Или потухнет, станет равнодушной? Хотя... Антон прищурился. Уж равнодушной Грозную назвать точно нельзя даже в самом первом приближении.

Мирослава тем временем продолжала осматривать аудиторию, то и дело едва заметно хмурясь. Хасса не было – Грозная вытащила его из передраги, и это по умолчанию породило какое-то чувство ответственности за дальнейшую судьбу спасенного. И пусть это было исключительно перегибом психики, влиянием определенного вида магии на мозг, с этим приходилось учиться жить. Хотя у чистокровных магов, коренных жителей Рева, устойчивость к таким выкрутасам была повышенная, от проблем в поведении страдали или полукровки с инквизи-

торами, или инквизиторские же потомки, имеющие в роду нелюдь. Да, и такие были. Заповедник не на пустом месте возник.

Интересно, Смирнецкая чудила в детстве? Или было совсем плохо? Котят топила? Хотя, топить – это к полукровкам с водной магией, к тому же Хассу. Вот только... Мира прикрыла глаза, воспроизводя в деталях встречу. От полукровок, даже если “получились маги”, все равно тянет ладаном. А от него даже намек на этот запах не было. Грозная хмыкнула: кажется, кто-то кому-то наставил рога. Хотя утверждать однозначно она не могла, с этими иноуровневыми и не такие выверты случались, пусть и утверждалось, что законы генетики с Нулевого и здесь работают.

– К слову, о молчаливых соседях. Где? – Мира кивнула куда-то в пространство, намекая на водника.

– Тебе в рифму или по факту?

– Очевидно, что в рифму ответить могу и сама, так что меня интересуют факты.

– Слушай, я не знаю, что у тебя за дела с Хассом, но я бы сильно не советовал с ним общаться. Если хочешь, могу после пар рассказать подробнее, ты не местная, можешь многого не знать.

– Ты меня прямо заинтриговал. Хорошо, после пар. И научись уже нормально с доски списывать!

– О, создавать интригу я умею! – Антон довольно улыбнулся, за что чуть не получил тетрадь в лоб.

Мира к не в меру активному однокурснику сейчас испытывала двоякие чувства. С одной стороны, ей нравилось его явно жизнерадостное отношение ко всему происходящему вокруг, с другой – она бы вряд ли смогла с таким общаться долго. Антона словно было слишком много. И, кажется, так думала не только она – сидеть с ним явно не спешили, впрочем, целенаправленно и не сторонились. Скорее старались дозировать общение. Сплетни Мирослава не слишком любила, но сейчас в них явно ощущалась необходимость. Других источников информации у нее не было.

Сплетни

Мира ковырнула вилкой приунывший салат в столовской тарелке, недовольно поджимая губы: в который раз ей не везло с казенной едой, хотя тут она все-таки походила внешне на что-то съедобное. Только ей не нужно было даже пробовать, чтобы сказать – зеленые листья совершенно безвкусные, но спасибо, что не горчат. Звонок еще не отсигналил начало следующей пары, так что в столовой практически не было свободных мест. Девушка хмыкнула: Тоха прямо-таки великие тайны Рева собирается ей открывать, раз выбрал условия, в которых их очень сложно подслушать. И при этом – ничего подозрительного. Показуха или там действительно что-то масштабно-грандиозное? Это она и выяснит, осталось только изобразить на лице заинтересованность. Сама Грозная сплетни не очень любила, собирать их и вовсе не умела, но признавала полезность – к этому ее приучила бабушка, способная делать на основе пары слухов самые невероятные выводы. Мира даже не завидовала – только молча восхищалась.

– Спрашивай, – Антон сверкнул глазами, гипнотизируя Миру взглядом.

– Это ты рвался мне о чем-то поведать, прошу, – улыбнулась она в ответ. – Можешь начинать прямо сейчас.

– Ты нудная. Вот сейчас – ты нудная, Грозная.

– Ну, извини, привычка. Вещай уже, и не надо так меня сверлить глазами.

– Смущает? – он белозубо улыбнулся.

– Хочется в этот глаз засветить.

– Все, понял, не наседаю, хотя и должен заметить, что прозвучало обидно. Тогда начнем издалека: как ты относишься к полукровкам? – Антон.

Вопрос вызывал недоумение: она должна к ним как-то по-особенному относиться? Родительский круг общения приучил не делить окружающих по происхождению. Пожалуй, ее бы смутила только какая-нибудь малоразумная нелюдь, да и то, если бы была агрессивной и питалась человечиною. Наверное, ее бы даже появление в аудитории “чертей рогатых”, которыми – совершенно справедливо, надо признать – называла Миру и ее тогдашнюю компанию ее бабушка. Старшая родственница много времени посвятила изучению культуры Нулевого уровня, так что странные выражения в ее речи всплывали регулярно. А изображения этих самых чертей Грозная-самая-младшая нашла в справочнике тем же вечером.

Так что в ответ она просто пожала плечами: да никак не относится, по личным качествам. Антон явно ожидал чего-то более радикального по настроению:

– Ладно, зайдем с другой стороны...

– Ты же не хочешь сказать, что причина только в этом? Тогда и от Смирнецкой надо шарахаться в сторону.

– Она же...

– От нее смердит ладаном, Антон! – тут она немного утрировала, но запах ладана, присутствующий инквизитор, в случае с их старостой и вправду приобретал какие-то тошнотворные нотки. – Тебе явно нужно проверить обоняние, если ты нихера не чувствуешь!

– В любом случае, у нее нет родственников в заповеднике. В человеческой его части.

В человеческой части заповедника сидели нестабильные маги, а также особо отличившиеся, выселение в это примечательное место было аналогом смертной казни, которую запретили пару тысячелетий назад. Под влиянием пришлых, мол, не гуманно. Хотя кто бы о гуманности рассуждал, коренные местные жители еще неплохо помнят, что творили пришлые.

– Уверен, что нет? То, что мы о них не знаем – еще не означает, что таких не имеется. Так что не вижу причины относиться к человеку как к мудаку, пока он себя так не повел.

– Ты бы выражения-то в людных местах подбирала, – парень хмыкнул в стакан.

– А подходящей эмоциональной окраски “приличного” слова я не знаю. Ну, или с ходу вот так вспомнить не могу. Давай уже, вываливай свои слухи, я ж вижу, что тебя прямо распирает. Что там за родственник у Хасса в заповеднике?

Полевой – Мира все-таки рассмотрела нашивку у Антона – оскалился счастливым крокодилом и как-то потянулся, повел плечами, словно разминаясь. Глаза засверкали еще ярче, даже тон голоса как-то поменялся, заставляя девушку подобраться в напряжении. Отдавало это все чем-то потусторонним, пугающим. Такой заболтает – и не заметишь. “Делить минимум на два”, напомнила себе Грозная.

Но стоило признать, родственник оказался примечательным хотя бы потому, что проходил по очень громкому случаю буквально этой весной. Сама Грозная знала только о факте случившегося, на проявленное по этому поводу любопытство родители только пронзили ее взглядами – и она благоразумно не стала лезть. Да и смысл? Ей от этого знания ни горячо, ни холодно. Зато именно из-за превращения всей воды района в яд Хасса и выслали за пределы города. Обошлось без серьезных вмешательств только потому, что сделано это было не специально. А так могли бы и покалечить, лишив способности пользоваться магией, сделав из него практически обычного смертного.

– Опять же, какое отношение это имеет к нему самому? Он же не его брат.

– Кто знает, в какой момент он даст похожий всплеск?

– Антон, – Мира и сама не поняла, как у нее получилось прорычать это имя, – ну не ради гребанных богов, а ради несчастного здравого смысла – если так думать, то можно каждого встречного начать подозревать и опасаться. Крыша же потечет такими темпами.

– Ты должна меня понять, – голос снова изменился, будто кто-то подкрутил настройки.

– Кто у тебя в роду? – она почувствовала, как рефлекторно стягивает магию ближе к телу, уплотняет ее, защищаясь.

– О чем ты?

– Значит так. Я не знаю, что у вас тут за возня на курсе происходит, и, наверное, знать не хочу. Не думаю, что задержусь здесь дольше, чем до конца учебного года. Но пытаться заговаривать меня я не позволю. Так что или ты рассказываешь мне все прямо, или я ухожу прямо сейчас. Нет? – она встретила взглядом с Полевым. – Тогда я пойду. И буду общаться с теми, с кем считаю нужным.

Грозной очень хотелось оскалиться, показывая зубы, привычка, присущая многим боевым магам – почти у каждой семьи где-то в предках затесался оборотень, так что некоторые звериные повадки их не миновали, но приходилось держать себя в руках. В голове все еще висел туман, быстро вытесняемый раздражением. Раздражение вызывала даже не столько попытка повлиять на ее разум, разборчивость в методах – первый шаг к провалу, сколько ситуация в целом. Положа руку на сердце, Мира прекрасно понимала нелюбовь к Хассовскому брату, даже при учете того, что отравил водопровод он не специально: преобразованная в яд вода создавала огромное количество проблем. Но перенос на однокурсника понять не могла. Как говорится, боевые маги после слов “мама” и “папа” произносят “презумпция невиновности”.

Есть что-то, о чем она не знает? Все версия вообще выглядела нескладно, Антон явно и сам в нее не верил, раз воспользовался какими-то своими талантами. Или все еще проще? Для травли в коллективе ведь, на самом деле, не нужна какая-то весомая причина, люди иногда ненавидят друг друга просто за то, что дышат. И если на Нулевом говорят, что дети жестоки, то молодые маги могут быть жестокими вдвойне, тем более, что возможностей причинять неприятности у них побольше будет. Хотя таким даже инквизиторы страдали, что уж тут. Так что Мира каждый раз мысленно благодарила родителей и вообще семью за то, что ее воспитывали весьма, скажем так, качественно. Иначе страшно представить, что она творила бы. Но даже думать о таком было противно.

Но вот выговориться после такого дня было необходимо.

*

– Ма? – Мира осторожно заглянула в гостиную. – Всё хорошо?

Оксана махнула рукой с зажатой в ней книгой, мол, не о чем беспокоиться. Женщина дочитала страницу и отложила роман в сторону, медленно вытягиваясь в струну. Её дочь осторожно прошла в комнату и легла рядом, бездумным взглядом рассматривая потолок.

– Что-то случилось?

– С чего ты взяла?

– Ты молчишь и сопишь. Не интересуешься делами, не возмущаешься чьими-то поступками. Ты просто легла и сложила лапки.

– Мне кажется, я совсем не понимаю людей, – вздохнула Мира, продолжая сверлить взглядом люстру. – Вот смотри. Помнишь того стихийника, однокурсника моего?

– Младший брат отравителя из заповедника, да, – Оксана снова взяла в руки книгу, продолжая слушать дочь. – Что с ним не так? Вроде бы не привлекался, все чисто.

– Меня сегодня очень старались убедить, что новенькой лучше не общаться с ним. Настолько старались, что попытались залезть в мозги. Вроде бы не получилось, но... осадочек остался, – под пристальным взглядом Мирослава закончила. – Вопросов, собственно, два: что это такое было и нужно ли мне переживать за свою голову.

Грозная-старшая плавно села, рассматривая единственного ребенка. Осадочек явно остался весьма горький, об этом четко говорили поджатые губы. Женщина невольно улыбнулась: пусть дочь и была уже достаточно взрослой, да и во многом из-за их работы понимала, что мир отнюдь не сказочно-прекрасен, а люди могут быть и неразборчивыми в средствах, и не слишком добрыми, но всё же она оставалась достаточно наивной, чтобы по умолчанию думать о незнакомцах хорошо. А разочаровываться всегда больно. Оксана притянула дочь ближе к себе, осторожно глядя по напряженной спине.

Но голову все-таки нужно будет проверить, и в идеале – сегодня. Мало ли, что осталось. Редкостью таланта Оксана не обманывалась, никогда не знаешь, где найдешь бриллиант, тем более, что запаха магии она уже не чувствует, и вариантов тут может быть два. Либо воздействие было настолько слабым, что магический иммунитет Миры его спокойно переварил, либо оно было настолько аккуратным, что следов уже не осталось. И привычка готовиться к самым худшим вариантам развития событий сейчас требовала на всякий случай провести полную проверку. И о безопасности позаботиться. Женщина мысленно перебирала способы, когда засвербела лопатка, на которой красовался растительный орнамент. Вот только линии татуировки были не сплошными – мелко начертанные специальным артефактом символы, где каждый листочек – свой тип защиты. Артефакты, даже вживленные, не идеальны, а вот такой рисунок неплохо сливался с собственными магическими оболочками и избавиться от них уже было практически нереально.

Конечно, для каких-то масштабных защит у Мирославы еще слишком юный возраст, но небольшое вмешательство она уже перенесет спокойно. Но дочь ждала ответа, а подумать над возникшей проблемой Оксана еще успеет.

– Понимаешь, волчонок... Что это было, однозначно я тебе сказать не могу. Слишком мало информации. Конечно, можно начать строить теории и искать глубинные смыслы, но все может оказаться гораздо проще. Так что нам пока остается только наблюдать, а тебе – не слишком лезть в неприятности. Кому-то придется сдерживать свой характер.

– Да я и так стараюсь, но молчать я не могу. Ну не получается у меня!

– Даже осуждать за это не могу, сама такая же. А по поводу головы – можем через пару часов доехать до знакомого мозгоправа, проверим. Мне тоже не нравится вся эта история. Пойдем, пообедаешь и детали расскажешь.

Мира угукнула, первой поднимаясь с пола. Настроение, до того уползшее в мрачные глубины, постепенно выправлялось. И пусть мозгоправов Грозная-младшая заочно не слишком

любила – скорее, относилась к ним достаточно настороженно – нельзя было не признать, что этот вариант сейчас был лучшим. Оставлять собственную голову без проверки не хотелось, все-таки девушка в нее не только ела.

Не сказать, что раньше на новых местах она не находила себе приключений, переходящих в проблемы, но раньше их не было так много за пару дней, да и такого масштаба они не приобретали. Ладно инквизиторы, те везде создавали неприятности магам, это было привычно, практически стало рутиной, но вот такие выверты в поведении от другого мага... Хотя на фоне “утопленника”, конечно, все меркло. Бок противно заныл, отзываясь на невеселые мысли. Грозная машинально его потеряла, ладонь на миг замерла. Все было в порядке, но где-то на краю сознания сидел смутный страх однажды вновь найти там открытую рану. Кожа была целой, выбивалась только неровность шрама, чуть теплая, как и положено после закрытия раны заклинанием.

На немой вопрос в глазах матери магичка только кивнула, принимаясь за содержимое тарелки, но не слишком замечая, что вообще сейчас ест. Они обязательно со всем этим разберутся, в конце концов, возня в студенческой группе – это мелочь. Хуже будет, если кто-нибудь из радикально настроенных продавит досрочное прерывание договора, вот там будет весело. А все остальное можно преодолеть и пережить без особых потерь. С этой оптимистичной мыслью Мира и вернулась в реальность. Нечего переживать раньше, чем что-то случилось.

Проверить

Знакомый мозгоправ оказался впечатляющих габаритов мужчиной с удивительно добрыми глазами, от взгляда которых Мире тут же захотелось просочиться под пол, вот прямо в щель между этими двумя скрипучими досками. Даже попыталась попятиться, но крепкая материнская хватка на запястье не дала этого сделать. Словом, Грозная-младшая была вынуждена оставаться под этими дулами.

– Э, а, здрасте, – только и получилось у неё выдать из себя.

– Андрей, не пугай мне ребенка. Мира, не стой столбом в дверях, он не кусается. Не в этой форме, – Оксана аккуратно подтолкнула её, вынуждая пройти дальше по коридору.

“Не в этой форме” заставило присмотреться к мужчине внимательнее. Высокий, выше всех знакомых девушке магов, шире неё раза в два так точно. Зато вполне стандартных габаритов для медведя-перевертыша. Да и в доме едва заметно пахло лесом и, практически неразлично, мёдом, последний запах и вовсе вызвал слабое свербение в носу и желание чихнуть. Которое она так и не смогла подавить, вызвав у старших понимающую усмешку.

В кухню пришлось буквально протискиваться даже ей, попутно Мира не могла не задаться вопросом, а как же тогда громадный Андрей в этой берлоге помещается, но решила не искушать судьбу. Настроение у медведя переменчиво как погода по весне, то он может спустить серьезную провинности, закрыть на нее глаза, а может за малейшую шалость задать трепку, от которой будешь месяцами отходить. И только хорошее настроение и раздутые носы изжаленной пчелами мелочи спасли тогда Грозную и ее компанию от медвежьего гнева. Перевертыши только посмеялись и вывели малолетних магов из леса, сдав на руки уже поднявшим тревогу взрослым. К медведям она тогда зареклась подходить близко без особой нужды, но вот, гляди ж ты, как жизнь повернулась.

На табуретку напротив “мозгоправа” она буквально плюхнулась, ощущая, что по спине начинает течь холодный пот. Не сказать, что девушка была совсем уж бесстрашной, но сейчас ее пробрало гораздо сильнее, чем когда-либо в этой жизни. Стоящая за ней Оксана тяжело вздохнула: вот уж не думала, что присутствие старого перевертыша окажет на Миру такое воздействие. Впрочем – и отрицать очевидное здесь было глупо – она сама при знакомстве изрядно перепугалась, правда от неожиданности засветила в появившегося из ниоткуда медведя сгустком огня. Но у них и обстоятельства встречи были другие.

– Выдыхай, ребенок, – давление прекратилось.

Грозная-младшая очень хотела сползти с табуретки под стол, но получилось бы не слишком красиво, так что девушка просто медленно долго выдохнула и расслабила плечи. Почему, во имя каких богов и великих идей, каждый встречный нелюдь норовил устроить ей проверку на прочность? Этого Мира не понимала, да и самый вероятный ответ “Из природной нелюбви к магам” вряд ли бы ее устроил. Так что грузить голову еще и этим она не стала.

– Рассказывай, что случилось.

– Однокурсник, видя, что словами меня убедить не получается, попробовал воздействовать методами пожестче. Вроде бы не смог, по просто махнуть рукой на это тоже не могу. Разного наслушалась...

– Какие-то признаки, странности были? Кроме ощущения воздействия, – пока перевертыш говорил, вокруг головы словно поток теплого воздуха ходил.

– Не знаю, надо подумать... Не уверена, – она заставила себя в деталях воспроизвести в памяти каждую секунду. – Возможно, мне показалось... У него голос как-то странно изменился. Будто что-то знакомое, а понять не могу. И глазами прям сверкал, возможно от избытка магии.

– Знакомое, говоришь... Можно посмотреть?

Мира кивнула, вкладывая пальцы в протянутую огромную ладонь. Андрей бы мог, не напрягаясь, раздробить ей запястье, что тоже заставляло напрягаться. Но с другой стороны, она же его ничем не провоцировала, верно? Не играла ведь на звериных инстинктах, не отвешивала язвительные комментарии, так что бояться особенно нечего. Вытащить воспоминание на поверхность, чтобы дать мужчине его рассмотреть, удалось с первого раза.

Когда контакт разумов закончился, медведь не сказал ни слова, но помрачнел, верхняя губа дернулась обнажить клыки, пусть мужчина и сдержал себя в последний момент. Мира оглянулась на мать через плечо.

– Мира, сходи погуляй.

– А мне никто ничего не хочет рассказать? Я, вообще-то, имею право...

– Мира, – перебил ее перевертыш. – Мы все тебе расскажем, когда придем к единой версии. Сходи на улицу, подыши воздухом. Только к гаражам не ходи.

– Я там уже была. Не напугаете.

Она протиснулась к выходу, в спешке шнуруя обувь и слетая вниз по лестнице. Улицы стремительно пустели, стущающиеся сумерки обостряли чувства, вызвали первобытное желание вернуться в теплые и светлые берлоги. Мира его прекрасно разделяла, особенно с учетом печального опыта прошлой недели, но признаться себе – и тем более окружающим – в страхе темноты не могла. Ноги сами пронесли ее мимо того места, где она рассталась с Хассом после первой встречи. Мира огляделась, повела носом – слабый запах речной воды ощущался в потоке воздуха, заставляя вертеть головой во все стороны. Вот только источник найти не удавалось – пока сверху не ударил еще один порыв ветра. Мира пригляделась, различая на крыше девятиэтажки смутно знакомый силуэт.

И направилась к подъезду.

– Твою мать, Грозная, ты ведь прекрасно знаешь, что пожалеешь об этом.

Крыша

ход на крышу оказался не просто открыт – распахнут настежь, заходи, кто хочет, прыгай, сколько душе угодно. По крайней мере, ветер наверху гулял такой, что улететь вниз можно было без особых усилий и даже без особого на то желания. Всё-таки осень на Реве традиционно была сезоном штормов и выше восьми этажей здания даже сейчас старались не строить, местный климат к этому не располагал. Однако администрацию Залесья это явно не смущало, не зря Мира от кого-то слышала, что близость к крупнейшему заповеднику Рева отшибла у местных весь здравый смысл.

Хасс стоял у края один, так что Грозная разочарованно почувствовала себя переживающей на ровном месте идиоткой, но уйти сейчас, когда парень её заметил, было бы еще более глупо. Так что Мира, ёжась от ледяного воздуха, подошла ближе, не зная, что сказать в такой ситуации, чтобы это не прозвучало как-то... как-то не так. По поводу своего красноречия она иллюзий не питала, язык у неё работал только в стрессовых ситуациях, а эта таковой явно не была. Оставалось одно: как и всегда быть прямой словно рельса.

– Я подумала, что у тебя проблемы.

– По твоему прогнозу я должен был прыгнуть сам или мне бы помогли? – взгляд Хасса немного смягчился, он даже отошел от края, ощущая, как это нервирует собеседницу.

– Пятьдесят на пятьдесят. Я допускала оба варианта.

Он кивнул, принимая ответ. На крыше обнаружили притащенные кем-то, как бы не самим водником, две кривые табуретки, на одной из которых лежала его сумка, которую парень спихнул на крышу. Кивнул Грозной на вторую. Та села, тем более, что за Хассом оказалось вполне удобно прятаться от ветра. Холодно ей не было, просто не нравилось само ощущение. Повисла неловкая тишина, в которой парень нервно шарил по карманам в поисках зажигалки – сигарету он уже отыскал. Мира щелкнула пальцами, зажигая на них крохотный огонек.

Думала закурить сама, но стоило замереть на секунду – и желание пропало. Вид с крыши открывался достаточно однообразный во все стороны, только на западе, за городской чертой виднелся сплошной темный массив – Залесский заповедник. Даже отсюда место казалось не слишком привлекательным, так что Мира поспешила перевести взгляд на стихийника.

– Антон уже пытался промыть тебе мозги? – сейчас их лица находились почти на одном уровне, так что рассматривать собеседника оказалось весьма удобно.

– Угу. Не хочешь мне рассказать, что у вас за херня происходит?

– Должен? – он сделал два шага к краю, бросая окурочек вниз, и вернулся назад.

– Мы будем торговаться? Ну, это было бы весьма любезно с твоей стороны пояснить мне, во что я влипла. Раз уж я не стала участвовать в коллективном избиении младенца, – и плевать, что этот “младенец” был младше неё всего на полгода, а по росту так и вовсе превосходил.

– Брат, – коротко бросил.

– Серьёзно? У вас тут на залесских болотах от испарений с головой непорядок? – Грозная издала какой-то невнятный звук, похожий на недовольное звериное ворчание. – Когда-нибудь я перестану верить в людей. Но, кажется, не сегодня. Развивай давай свою мысль, жертва чужой репутации.

В ответ он впился в нее глазами с таким выражением лица, что сразу стало понятно – перегнула. Но отматывать назад Грозная не собиралась, так что отзеркалила собеседнику его гримасу, параллельно все-таки запаливая сигарету. Раз уж ввязалась во всё это, то будь добра вытягивать. Хотя, возможно, ей стоит бросить эту затею. Мирослава представила эту ситуацию – и мысленно сплюнула. Бросит она, как же. Права мать, ой права, она чертова наивная идеалистичная дура.

Хасс сдался первым, как-то словно сжимаясь на своей табуретке, зябко поводя плечами. Девушка не давила, хотя свист ветра в ушах раздражал, да и ожидание материнского звонка терпения не прибавляло.

– Ты же знаешь, что я полукровка? – дождался кивка и тяжелого вздоха “Ты б еще с сотворения мира начал. – Смеси магов с инквизиторами не редкость, и проблем бы не было, если бы мой отец был чистым инквизитором.

– Нелюди? Но при таком раскладе склонность к водной стихии должна быть сцеплена с полом, с женским полом, хотя тут, конечно, бывают аномалии, если расположенность есть с двух сторон, и... Так, поняла, не перебиваю.

Хотя задачка была интересная. Если бы у Сашки не было этого наследия – от мавки, русалки, кикиморы, не важно, кого именно – то да, склонность к стихии не была бы странной, да и характер она носила бы другой, хотя мужчин-водников в принципе не много, так уж сложилось, что эта стихия считается традиционно женской. А вот при наличии крови нелюдей Хасс переходил в разряд аномалий.

– Да что тут говорить-то...

– Не давя. Захочешь – потом расскажешь. Ответь только на один вопрос: мне есть чего опасаться?

Он весьма красноречиво пожал плечами. Понятно, ситуация не очень, но и не крошечный мрак. Сидеть на холоде было не слишком приятно, так что Грозная встала. Хасс посмотрел на нее потухшими глазами: все понятно.

– Пойдем. Мне сейчас уши надует.

– И это все, что ты скажешь?

– А какой реакции ты ждешь? Падения в обморок, истерики, мордобоя? Информация принята к сведению, большего я сейчас сделать не могу. Все. Пошли вниз, меня скоро матушка искать начнет. А с тобой потом решим вопрос. По мере возникновения проблем.

Мира первой направилась к выходу с крыши. Парень пару секунд заторможенно смотрел ей вслед, а после подхватил сумку и кинулся за Грозной. Может, она не настолько большая проблема, как показалось при первом знакомстве?

*

К двери перевертыша Мира подошла как раз вовремя, та открылась сама, едва медведь учуял присутствие магички. Грозная с удовольствием зашла в живое тепло чужого дома, прогоняя остатки осенней промозглости, а уж в чашку чая и вовсе вцепилась. Все-таки крыши – это не ее история, она лучше куда-нибудь в землю зароется. Обстановка на кухне за время прогулки успела поменяться, помещение будто стало просторнее, а желтоватый свет от висящего над головами заклинания добавил уюта.

Девушка прижалась к материнскому боку, выслушивая вердикт. Воздействие было, и было осознанным, целенаправленным. Ответить однозначно, что именно за нечисть примешалась в роду у Антона медведь не взялся, слишком уж в таких случаях искажались признаки. Бывало, что обладатели нечеловеческой крови в итоге получали способности не то что родственного вида, а какого-то совершенно враждебного. Даже в заключениях писали “Наиболее вероятно”, потому что всегда был шанс, что именно тебе повезло наткнуться на аномалию. Хотя на убранных со стола листьях с беспорядочными пометками Мира заметила обведенное красным “ыр”. И поежилась, вспоминая увиденное как-то раз существо, сбежавшее из заповедника. Мерзость. Вот значит, что проходит как самый вероятный предок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.